

F * W

FANTASY * WORLD

АЛЕКСАНДР БАШИБУЗУК

ЕГО
ВЫСОКОБЛАГОРОДИЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б33

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 21

Оформление художника *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Башибузук, Александр

Б33 Эмигрант: Его высокоблагородие: / Александр Башибузук. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-111778-8

Казалось бы — всё, жизненный путь определен и нет никакой возможности его изменить. Остается только смириться и жить дальше. Но как вскоре оказывается, провидение имеет на тебя свои планы, и простое желание начать все сначала совершенно неожиданно воплощается наяву. Правда, в несколько оригинальном виде. Авантюрист, мошенник и карточный катала, Александр Говоров волей случая оказывается в теле капитана российской лейб-гвардии, барона фон Нотбека, следующего в Константинополь с тайной миссией. На дворе смутное и страшное для России время, идет 1920 год, войска Белого движения под натиском Красной армии отступают на всех фронтах. Какой путь выберет для себя бывший криминальный авторитет? Постарается воспользоваться случаем и исправить ошибки прошлого, либо опять встанет на скользкую дорожку? Но не всё так однозначно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111778-8

© Александр Башибузук, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРОЛОГ

Украина. Херсон. СИЗО
1 февраля 2015 года. 20:00

В маленькой двухместной камере на узкой кровати полулежал худощавый мужчина возрастом около сорока пяти лет и читал какую-то книгу с изображенным на ее обложке средневековым рыцарем.

Любой знаток уголовного бытия сразу бы подметил в камере некоторые моменты, мягко говоря, прямо противоречащие режиму содержания в следственных изоляторах. Если небольшой современный холодильник, душевая кабинка и плазменная панель на стене еще были доступны для обычных эзков, правда с большими оговорками и конечно же только в случае их финансовой состоятельности, то вот ноутбук и мобильный телефон, открыто лежащие на столике, уже ни в какие рамки не лезли.

Да и сам обитатель камеры никак не олицетворял собой расхожий образ заслуженного сидельца. Умное, располагающее к себе симпатичное лицо, очки в тонкой золотой оправе, аккуратно подстриженная борода-эспаньолка — он больше всего был похож на научного работника, уровня кандидата или даже

доктора наук, за какие-то непонятные провинности угодившего в лапы правосудия. Вполне возможно, даже по ошибке.

Но, несмотря на свой интеллигентный внешний вид, Говоров Александр Вячеславович никакого отношения к науке не имел. Разве что своей кличкой Академик и тем, что получил в свое время два высших образования.

В реальности Академик был профессиональным мошенником и одним из наиболее виртуозных карточных катал* на постсоветском пространстве. И вообще, довольно уважаемым в криминальном мире авторитетом. Хотя никогда и не принадлежал ни к какой из преступных группировок, будучи убежденным одиночкой.

В данный момент Говоров был арестован украинским судом по запросу Следственного комитета России, в рамках целого букета уголовных дел с общим ущербом в несколько миллионов долларов, и дожидаясь своей экстрадиции на родину.

Впрочем, надо отметить, что в связи с некоторыми политическими событиями и еще парой моментов вероятность этой экстрадиции была довольно мала.

Неожиданно залязгали замки, после чего с пронзительным скрипом отворилась массивная металлическая дверь. На пороге камеры появился высокий статный, но уже начавший полнеть, абсолютно лысый мужчина с шикарными казачьими усами и в камуфлированном бушлате с погонами полковника.

Он спокойно вошел внутрь, кивком приказал постовому закрыть дверь и притворно строго громыхнул басом:

— Рядовой Говоров, не понял, что за расслабуха?

* *Катала* — на уголовном жаргоне — шулер, игрок в карты.

— Не весели, Леха... — небрежно ответил Академик, потом отложил книгу, неспешно встал и крепко пожал руку полковнику. — Ну что там?

— Да все нормально, — улыбнулся посетитель. — Документы уже пришли из Киева. Как и следовало ожидать, в экстрадиции отказано. Да ты и сам, наверное, уже все знаешь. Завтра с утра пораньше тебя освободят. Уж извини, оформить сегодня просто не успели. — Полковник присел на нары и извлек из внутреннего кармана обычную армейскую фляжку. — Давай пропустим по чуток...

— Ты же знаешь, Леш, я не пью, — поморщился Говоров. — Что-то в последнее время мотор сбить начал. Вот и сегодня целый день на колесах сижу.

— Так положено, Сашка, — неожиданно серьезно возразил полковник. — Надо помянуть...

— Кто? — коротко поинтересовался Академик.

— Леха Симонов и Виталька Сидоренко... — тихо сказал Алексей и протянул ему наполненную коньяком стопку.

— Как это случилось?

— Под Донецком. В один день... — опустил глаза, ответил полковник. — Леха за наших воевал, а Виталька за ваших... за сепаров. Может, они друг друга и убили. Теперь из нашего отделения только мы с тобой остались...

Академик молча кивнул и с каменным лицом опрокинул в себя стаканчик.

— Вот так... — полковник тоже выпил. — Ну ладно, хватит об этом. Все там будем. Что читаешь?

— Да так, — пожал плечами Говоров, — попаданчество. Закинуло мужика в Средние века, вот и крутись как можешь. Почитай, новая жизнь с чистого листа. Неожиданно интересно.

— А ты бы хотел так? — неожиданно поинтересовался Алексей. — Ну, новую жизнь с чистого листа?

— Ты знаешь... — Говоров на мгновение задумался. — Наверное, хотел бы.

— И что, по-другому прожил бы? — улыбнулся полковник.

— Да, по-другому, — спокойно ответил Говоров. — Совсем по-другому. По крайней мере, постарался бы.

— Не верю, — скептически покачал головой Алексей. — Я ж тебя как облупленного знаю. Но... пусть тебе такая возможность представится. Искренне желаю...

Замначальника управления Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний в Херсонской области полковник Охрименко Алексей Иванович действительно хорошо знал своего собеседника. Очень хорошо. Потому что вырос с ним в одном дворе, ходил вместе в школу, вместе ушел в армию и в одной части с ним выполнял в Афганистане интернациональный долг. Это уже потом они поступили в разные военные училища и их пути разошлись, но отношения Александр и Алексей поддерживали всегда. Даже когда оказались, как говорят, по разные стороны баррикад.

Им было что вспомнить, но разговор не продлился долго. Полковник хотя и занимал второй чин в департаменте, все же не мог так злоупотреблять своим положением. Он условился с Говоровым, что тот навестит его после освобождения, и ушел.

Академик лег на шконку, закинул руки за голову, закрыл глаза и крепко задумался.

Слова Лехи о новой жизни как-то очень сильно его задели. На самом деле, несмотря на то что сейчас он имел всё: деньги, авторитет, любых женщин, Говоров не был доволен своей жизнью.

— А ведь все начиналось правильно... — шепнул Академик и, помассировав область сердца, потянулся к коробочке с таблетками. — Начиналось лучше некуда...

Законченная с отличием школа, служба в армии; не в самых зубодробительных войсках, но в Афгане пришлось настреляться вдоволь, потом военное училище. Да не простое, а политическое, с правильным расчетом на карьеру. Казалось, все идет по накатанной дорожке, но...

— Сука... — Говоров наконец выковырял из облатки таблетку и, скомкав упаковку, забросил ее в угол. — Фуфло, кругом одно фуфло...

А потом, прямо на выпускном банкете Говоров искалечил человека и сел в тюрьму на долгие шесть лет, а там во всей красе проявились уже совсем другие его таланты. Криминальная жизнь затянула и больше не отпустила. Академик пробовал вырваться, даже стал опять учиться, но все тщетно. Нет, в чем-то такая жизнь его все-таки устраивала, но не о том он мечтал с детства.

— А о чем ты мечтал? — зло буркнул Александр сам себе. — О чем?..

Неожиданно сердце пронзила сильная режущая боль. Говоров попытался встать, дотянуться до кружки с водой и навзничь упал на пол. Когда постовой его заметил и вызвал врачей из санчасти, было уже слишком поздно...

ГЛАВА 1

Черное море. Нейтральные воды.

Пароход «Димитрий».

19 января по старому стилю. 1920 год. 21:00

Сознание вернулось мгновенно. Не открывая глаз, я по инерции положил руку на левую сторону груди и облегченно вздохнул: боль бесследно прошла, сердце билось уверенно и ровно.

— Надо бы серьезно подлечиться... — буркнул я сам себе и перевернулся на бок, в надежде еще немного вздремнуть. — Так и сдохнуть недолго. Что за?..

Рука вдруг наткнулась под подушкой на что-то твердое, по ощущениям напоминающее какой-то продолговатый металлический предмет.

— Не понял... — я резко сел и недоуменно уставился на увесистый пистолет на своей ладони.

Компактный, плоский, матово отблескивающий идеальным черным воронением, со скупой, но элегантной серебряной гравировкой на затворе, с костяными щечками на рукоятке, немного похожий внешним видом на «Тульский-Токарев» — пистолет своим видом намекал, что он настоящее боевое оружие. Как бы в подтверждение этого от него вкусно пахло оружейным маслом и едва уловимым кислым

ароматом пороха. Мгновенно сказалось увлечение оружием, память сразу же определила марку пистолета — находка оказалась кольцом Model 1908 Pocket Hammerless под патрон .380 ACP.

«Недавно в деле был... — я машинально выронил ствол на постель и лихорадочно быстро стер с него простыней отпечатки пальцев. — Паленый, сука!»

Находка никак не укладывалась в голове. Откуда? Вопрос решался через уважаемых людей, с самим министром внутренних дел, и решился благополучно. Но к чему такой прогон? Еще хотят лавэ сбить? А это уже откровенное кидалово. За такое спросят даже с министра. Хотя в этой богом забытой стране сейчас можно на что хочешь нарваться. Что делать?..

Неожиданно кровать плавно качнуло. Я вырвался из раздумий и глянул по сторонам. И чуть не потерял сознание от ошеломления. Вместо камеры я нахожился...

Узкая койка, привинченная к полу, небольшой откидной столик, выглядывающий из-за зеленой плюшевой занавески круглый иллюминатор в начищенной латунной оправе, на стене какой-то архаичный прибор, очень смахивающий на барометр...

Судя по всему, я нахожусь в каюте на каком-то судне. Причем это судно в движении — корпус едва заметно дрожит от вибрации двигателя. Тут не перепутаешь: плавали, знаем.

— Что за фуфел? — я мигом слетел с койки, рванул занавеску и заледенел, разглядев в полумраке серую, подернутую рябью морскую гладь. — Стоп... Думай, думай, поц пришибленный... Получается... получается, что пока я валялся в беспомощности с приступом, меня уже освободили и теперь... теперь увозят морем в Турцию?

От сердца немного отлегло, потому что подобный ход событий планировался. Правда, в других временных рамках, но...

Я случайно глянул в небольшое настенное зеркало и в очередной раз оторопел. Нет, не оторопел, а едва не рехнулся, потому что... Да потому, что из него на меня смотрел совершенно незнакомый человек.

Угрюмая заспанная морда с резкими, рублеными чертами, короткая прическа на пробор, узкая щеточка аккуратно подстриженных усов под немалым носом с хорошо заметной горбинкой, мощная бычья шея распирает воротничок со старомодными закругленными кончиками, под мятой белой свободной сорочкой угадываются покатые борцовские плечи, жилетка из муарового шелка, часовая цепочка сложного плетения свисает из карманчика.

Машинально вытащил часы... Ого, «Лонжин», три крышки, репетир, платина? Нет, все-таки серебро, зачерненное под старину. Тут не перепутаешь, раритетный аутентик, однозначно. Российский двуглавый орел, герб значитца... и гравированная надпись: «За отличную стрельбу». Ничего не понял. Часы, конечно, знатные, тут не поспоришь, минимум полтос зеленых президентов сейчас стоят, но откуда они у меня? Братва подогнала? Странно...

Продолжая себя исследовать, я вытащил за цепочку скрытый под рубашкой крестик. Тоже не мой. У меня новодел, а это... Золото червонное, сам очень простой, можно даже сказать, грубого вида. С какими-то рунами на гранях. И явно не стилизация под старину, в этом я немного понимаю. Кабы не пятнадцатый-шестнадцатый век. Если еще не древнее.

Засунув крест обратно, я опять уставился на свое отражение. Нет, не я, однозначно не я. Это факт. Мало

того, судя по виду, тип моложе лет на двадцать, если не больше.

— Б**... — я в первый раз за много лет выругался матом. — Что за хренотень?

Мужик в зеркале слово в слово синхронно повторил мои слова. Находясь на грани сумасшествия, я для чего-то подмигнул ему и тут же получил в ответ то же самое.

— Ты — это я?.. — вопрос, заданный отражению, оказался абсолютно лишним, потому что и так было понятно: мужик в зеркале — это я и есть. То есть не я, но...

— Капец... — не в силах справиться с самоидентификацией, я приземлился на кровать. — Точно рехнулся. Или под какой-то дурью галюны ловлю.

Нет, а что я должен чувствовать, убедившись, что какая-то нечистая сила сперла мое родное тельце, взамен подсунув чужое? Моложе, здоровее, но чужое. Не, так не бывает. Значит, на самом деле рехнулся. Веселенькое приключение получается. Так, надо бы для начала взять себя в руки.

Что мы имеем? Я уже не в Херсонском центре — и это уже хорошо. Идем дальше. Моя пятидесятидвухлетняя, хорошо траченная молью тушка куда-то исчезла, сменившись молодым здоровым телом с брутальной мордой. Это, мягко говоря, необычно, но тоже неплохо, потому что мозги Говорова Александра Вячеславовича остались при мне. Вроде пока все, остальное надо прояснить.

— Ну что же, приступим... — я встал и первым делом шагнул к порогу каюты, где обнаружил, что дверь заперта на массивный засов с моей стороны.

После чего опять отправился к зеркалу, но не дошел до него, остановившись перед столиком.

— Надо же... — я взял в руки полупустую бутылку с этикеткой, ненавязчиво сообщавшую, что это коньяк производства поставщика его императорского двора некого Шустова. — Классно под старину сработано. Или настоящий раритет? А на вкус? Надеюсь, у этой тушки с мотором все в порядке...

Не удержавшись от соблазна, набулькал немного янтарной жидкости в простую граненую стопку и осторожно пригубил. Опасения оказались напрасными — коньяк оказался на вкус довольно неплох, вновь приобретенное тело тоже среагировало должным образом — сумбур в голове потихоньку стал утихать.

— Гм, недурно... — я остановил взгляд на охотничьем ноже финского типа с оправленной в серебро роговой рукояткой и откромсал им кусок сухой колбасы, лежавшей на вощенной бумаге рядом с бутылкой. — Из оленины, что ли? Весьма...

После чего, дабы завершить гастрономическое наслаждение должным образом, я поискал глазами курево и взял со стола плоский портсигар черного серебра, опять же с накладным гербом. Нажал на овальную кнопку, выточенную целиком из фиолетового камня, и обнаружил, что внутри пусто. Не понял, где сигареты? Кто выкурил?

И сразу же наткнулся взглядом на початую коробку с папиросами.

— Что тут у нас? — глянул на картинку, украшенную рельефными медалями каких-то выставок, и прочитал вслух, с каждым словом охреневая все больше и больше: — Папиросы крученые, фабрики И. К. Соколова, Царь-Пушка, Санкт-Петербург, двадцать пять штук — пятнадцать копеек? Чего?.. — не веря своим глазам, я оторвал от пачки клочок акцизной марки. —

1916 год... тысяча девятьсот шестнадцатый? Да ну нафиг?!! Да они за сто лет давно бы уже в пыль превратились...

Вот тут до меня наконец-то стало доходить. Кони на и курево образца начала прошлого века, древний пистоль, архаичный прикид, да все вокруг не такое — явно несовременное!

Срочным порядком употребил еще пару глотков коньяка, потом крутнул колесико серебряной бензиновой зажигалки, украшенной замысловатой монограммой, подкурил папироску и глубоко затянулся.

— Черт... — причудливый клубок дыма поплыл по каюте. — Неужели так бывает по жизни? Вот это сподобился...

Сразу вспомнился разговор с Лехой, где я выразил желание все начать с чистого листа, как в книге про бедолагу, занесенного неведомой силой во Францию пятнадцатого столетия.

— Типа боженьке в уши, да? — поинтересовался я у Николая Чудотворца, смотревшего на меня суровым печальным взглядом с дешевой иконы на стене. — С какой-такой радости? За какие заслуги? Ты уж не гневайся за дерзость; я не жалею и не ропщу, просто немного охренел от такого пассажа. Кстати, на каких условиях? Помнится, что я обещал завязать. Так вот, я серьезно подумаю над этим. Ну, что скажешь?

Никола ничего не ответил мне, вместо этого в дверь деликатно постучали и вежливый голос общил:

— Прошу прощения, капитан приглашает вас к себе в салон.

— Позже, — неожиданно грубо рыкнул я в ответ. — Сейчас я занят.